

УДК 341

DOI: 10.34670/AR.2022.84.54.064

Непоследовательность арбитражных решений как одна из основных проблем современного международного инвестиционного арбитража

Айриян Эрна Владимировна

Председатель Суда,
Суд Евразийского экономического союза,
220006, Республика Беларусь, Минск, ул. Кирова, 5;
e-mail: eurasiancourt@gmail.com

Аннотация

Популярность двусторонних инвестиционных соглашений, ставшая особенно заметной в конце XX в., имела обратную сторону медали в виде роста числа инвестиционных споров. Этому немало способствовало данное арбитражами и поддержанное доктриной представление о предусматриваемом в таких соглашениях согласии государства передать возникающие споры с инвесторами в арбитраж как безотзывной оферте и направлении инвестором извещения об арбитраже как акцепте этой оферты. Это сразу же сделало юрисдикцию создаваемых в рамках таких соглашений арбитражных трибуналов обязательной и не зависящей от иных документов сторон. Однако именно децентрализованный характер арбитражных трибуналов ad hoc неизбежно привел к появлению непоследовательных, противоречивых и непредсказуемых решений. Со временем непоследовательность и непредсказуемость стали одной из наиболее серьезных проблем современного международного инвестиционного арбитража. Это не только делает невозможной для сторон спора оценку исхода арбитражного разбирательства, подрывая правовую определенность, но и негативно влияет на легитимность арбитража как способа разрешения инвестиционных споров.

Для цитирования в научных исследованиях

Айриян Э.В. Непоследовательность арбитражных решений как одна из основных проблем современного международного инвестиционного арбитража // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 8А. С. 467-475. DOI: 10.34670/AR.2022.84.54.064

Ключевые слова

Арбитражное решение, непоследовательность арбитражных решений, международный инвестиционный арбитраж, инвестиционное право, международное процессуальное право.

Введение

Развитие современного международного договорного инвестиционного права представляет собой одно из наиболее значимых событий в международном праве после Второй мировой войны [Vandeveld, 2005, 157]. На фоне провалов попыток разработать универсальное соглашение о защите иностранных инвестиций особенно примечательно выглядит рост числа заключенных двусторонних договоров такого рода. В отличие от традиционных договоров о торговле, распространенных до середины XX в., эти двусторонние инвестиционные соглашения регулировали исключительно вопросы инвестиций. Другой отличительной особенностью таких договоров было то, что они заключались между развитыми и развивающимися странами исходя из предположения о том, что они призваны обеспечивать защиту инвестиций именно развитых стран на территории развивающихся стран. Как правило, развивающимся странам (а позднее и странам с переходной экономикой) предлагались для подписания уже заранее разработанные тексты таких соглашений. Несмотря на то, что формально обязательства по защите иностранных инвестиций брали на себя обе стороны, на практике все реальные обязательства ложились на сторону, являющуюся развивающимся государством [Franck, 2005, 1528]. Не имея достаточного опыта и знаний для того, чтобы оценить возникающие риски, развивающиеся государства и страны с переходной экономикой вступали в этом отношении в конкуренцию за иностранные инвестиции между собой, соревнуясь в объеме разнообразных льгот и гарантий для инвесторов, в том числе и гарантируя им беспрепятственный доступ к международному правосудию по выбору инвестора. В итоге, по оценкам Б. Симмонс, частные инвесторы в рамках инвестиционных соглашений получали права и льготы в таком объеме, которого не было в других отраслях международного права, и с нарастающей частотой начинали эти права использовать [Simmons, 2014, 18].

Как отмечает С. Франк, эти двусторонние соглашения содержали два заметных новшества, которые разительно отличали их от других международных договоров. Во-первых, они предоставляли инвесторам ряд широких материальных прав, а во-вторых, предлагали революционный по тем временам порядок разрешения споров между инвестором и принимающим инвестиции государством за счет передачи спора в специально создаваемый арбитраж *ad hoc*, а не в национальные суды этого государства [Franck, 2005, 1529]. При этом такие соглашения, как правило, не содержали требования об исчерпании инвестором внутренних средств правовой защиты перед обращением в международный арбитраж, хотя иногда могли предусматривать некоторые процессуальные ограничения такого прямого доступа в виде обязанности инвестора в течение некоторого времени пытаться решить свой спор в национальных судах и только по истечении этого срока обращаться в арбитраж.

Предлагаемая этими соглашениями модель арбитражного рассмотрения инвестиционных споров между инвестором и принимающим государством далеко не случайно была основана на модели международного коммерческого арбитража. Это означало рассмотрение споров специально создаваемыми для этого трибуналами *ad hoc*, члены которого назначались сторонами спора и получали от них вознаграждение (обычно трибунал состоял из двух арбитров, назначаемых сторонами, и председательствующего арбитра, назначаемого по соглашению сторон). Право сторон спора выбирать арбитров объяснялось возможностью выбрать наиболее компетентных и обладающих специальными знаниями экспертов для разрешения уже возникшего спора [Collet, 2021, 699]. Из международного коммерческого арбитража было заимствовано также правило окончательности (финальности) принятого

арбитрами решения по спору, под которым понимались невозможность его обжалования куда-либо в апелляционном порядке и немедленное вступление в силу, а также правило конфиденциальности, согласно которому все решения, принятые арбитражным трибуналом, могут быть обнародованы только с согласия сторон спора, а само арбитражное разбирательство проводится в закрытом формате. Окончателюность арбитражных решений в совокупности с минимальным вмешательством национальных судов рассматривалась как одно из ключевых достоинств инвестиционного арбитража, обеспечивающее быстроту рассмотрения спора и, как следствие, минимизацию расходов спорящих сторон [Рачков, 2016, 119]. Такое масштабное заимствование основных характеристик из международного коммерческого арбитража объяснялось, во-первых, бытовавшим в то время представлением о том, что инвестиционные споры будут в основном возникать из инвестиционных контрактов, что сближало их с международными коммерческими спорами, а во-вторых, отсутствием в международном правосудии того времени убедительной практики постоянно действующих международных судов с обязательной юрисдикцией.

Динамика заключаемых инвестиционных соглашений и возникающих споров

Начиная с конца 1980-х гг. число заключаемых государствами двусторонних инвестиционных соглашений стало заметно расти. Если за 30 лет с 1959 по 1989 г. было заключено всего лишь 386 двусторонних инвестиционных соглашений, т. е. в среднем по одному в месяц [Vandevelde, 2005, 172], то за следующие 15 лет было подписано уже порядка 2000 таких соглашений (в 1990-е гг. такие соглашения заключались практически ежедневно) [Franck, 2005, 1528].

С начала XXI в. также стала очевидной прямая зависимость между количеством заключенных государством двусторонних соглашений о защите иностранных инвестиций и уровнем риска для этого государства оказаться ответчиком по инвестиционному спору в международном арбитраже [Simmons, 2014, 30]. Если первое двустороннее соглашение, содержащее арбитражную оговорку, было подписано в 1968 г¹, то первый инвестиционный спор был передан в арбитраж только 19 лет спустя, в 1987 г., а первое арбитражное решение появилось в 1990 г. В течение 1990-х гг. было рассмотрено лишь небольшое количество дел [Langford, Behn, 2018, 555]. Постепенно число новых дел выросло и стабилизировалось сейчас на уровне примерно 50-60 споров в год [Franck, 2005, 1528]. Однако гораздо более интересны другие цифры, ясно показывающие, насколько ожидания государств от арбитражного механизма разрешения инвестиционных споров разошлись с реальностью. Так, при разработке Вашингтонской конвенции 1965 г. о создании Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), в рамках которого сейчас рассматривается абсолютное большинство инвестиционных споров, государства исходили из того, что, во-первых, таких споров будет немного, а во-вторых, 90% дел будут являться спорами, вытекающими из инвестиционных контрактов и концессионных соглашений, но не из двухсторонних договоров о защите иностранных инвестиций [Thomas, Dhillon, 2017]. Первоначально эти ожидания вполне оправдывались, так как за первые 25 лет существования МЦУИС им было получено только 25 дел, примерно по одному делу в год, что дало основание комментаторам называть

¹ Таким стало двустороннее соглашение между Нидерландами и Индонезией 1968 г.

МЦУИС «спящей красавицей» [Zarra, 2018, 138]. Из них 22 спора вытекали из инвестиционных контрактов и концессий, где согласие сторон на арбитражное рассмотрение их спора очевидным образом было выражено заранее [Puig, 2014, 396]. Однако сейчас ситуация выглядит зеркально иной. Так, по данным исследователей, около 75% зарегистрированных инвестиционных споров были основаны как раз на двусторонних инвестиционных соглашениях, только 1% касался инвестиционных контрактов (остальные споры основывались на национальном законодательстве) [Bonnitcha, Skovgaard Poulsen, Waibel, 2017, 61].

На наш взгляд, решающим фактором для такого развития событий стала трансформация толкования смысла арбитражной оговорки, содержащейся в двусторонних инвестиционных соглашениях, который в итоге стал в корне отличаться от того, который имели в виду государства на момент подписания таких соглашений.

Начало такой трансформации было положено в 1990 г. решением арбитражного трибунала по делу *Asian Agricultural Products Ltd. v. The Republic of Sri Lanka*. В этом деле инвестор, потерявший свои активы в результате гражданской войны на Шри-Ланке, настаивал на том, что арбитражный трибунал МЦУИС обладает юрисдикцией по спору на основании ст. 8(1) Соглашения о защите иностранных инвестиций, заключенного между Великобританией и Шри-Ланкой в 1980 г. В этом соглашении Шри-Ланка соглашалась на юрисдикцию арбитражного трибунала МЦУИС в отношении любого спора между ней и инвесторами из Великобритании по поводу любых инвестиций, сделанных ими на территории ответчика. Воспользовавшись тем, что Шри-Ланка не высказала никаких возражений в отношении юрисдикции арбитражного трибунала по этому спору, трибунал без каких-либо пояснений пришел к выводу о наличии своей юрисдикции в этом деле только на основании ст. 8(1) указанного выше соглашения. Такой подход был поддержан впоследствии другими арбитражными трибуналами и доктриной. Согласно устоявшейся точке зрения, подобные положения Соглашения о защите иностранных инвестиций представляют собой заранее данную и адресованную неограниченному кругу инвесторов безотзывную оферту со стороны государства на передачу всех возникших инвестиционных споров в рамках данного соглашения в арбитраж, а направление инвестором извещения о начале арбитражной процедуры является акцептом этой оферты. Такая оферта и ее акцепт выражают согласие сторон на арбитражное рассмотрение их спора, что является необходимым условием для признания арбитражным трибуналом своей юрисдикции [Sornarajah, 2010, 307-308]. Такая форма выражения согласия сторон на арбитражное разбирательство по возникшему спору, состоящая из двух разнесенных по времени шагов – оферты и ее акцепта, принципиально отличалась от принятых в международном праве форм выражения такого согласия в виде арбитражной оговорки в контракте между инвестором и государством либо в виде отдельного соглашения о передаче такого спора в арбитраж. В такой конструкции безотзывность оферты со стороны государства фактически означала признание обязательной юрисдикции арбитражей, создаваемых в рамках двусторонних инвестиционных соглашений [Исполинов, 2021, 58].

Последствия трансформации двусторонних инвестиционных соглашений

С одной стороны, решение арбитражного трибунала по делу *Asian Agricultural Products Ltd. v. The Republic of Sri Lanka* сегодня расценивается как пример очевидного игнорирования арбитражными трибуналами воли государств [Ataman Figanmeşe, 2011, 195]. Как показывают подготовительные материалы Вашингтонской конвенции 1965 г., государства исходили из того,

что, помимо положений двусторонних инвестиционных соглашений, для каждого спора между инвестором и государством будет дополнительно заключаться отдельное арбитражное соглашение. С другой стороны, это решение арбитражного трибунала рассматривается как «молчаливая революция» [Rauewelyn, 2014] в силу того, что инвесторы на основе этих двусторонних инвестиционных соглашений получали прямой доступ к международному арбитражу, который к тому же применял для разрешения спора не нормы национального права, а положения таких соглашений, т. е. нормы международного публичного права. Кроме того, в данной конструкции инвесторы получали ничем не ограниченное право самостоятельно решать, когда, где и что именно они собираются оспаривать [Simmons, 2014, 33].

Если обратиться к приведенным выше цифрам об абсолютном преобладании на сегодняшний день инвестиционных споров, инициированных как раз на основании двусторонних инвестиционных соглашений, то можно прийти к выводу о том, что инвесторы вполне адекватно оценили предоставившиеся возможности. Как правило, именно в рамках таких соглашений, а не в рамках инвестиционных контрактов инвесторы оспаривают индивидуальные акты органов власти (отказы в выдаче разрешения на строительство или вводе в эксплуатацию, а также в продлении действующих разрешений), а также нормативные акты общего применения, принимаемые в рамках общей регулирующей деятельности государства в сфере экономики, налогообложения, охраны природы, здоровья и прав человека, которые оказывают на инвесторов негативное влияние. В этом случае инвестиционные арбитражи начинают выполнять функции, традиционно закрепляемые за национальной юстицией [Roberts, 2013, 46].

Однако применение инвестиционными арбитражами для целей разрешения споров традиционно лаконичных и сформулированных в самом общем виде и зачастую двусмысленно норм межгосударственных инвестиционных соглашений с самого начала несло в себе определенные риски. Как отмечает А. Робертс, современное международное инвестиционное право состоит из тысяч таких инвестиционных соглашений, которые толкуются и применяются сотнями создаваемыми сторонами спора трибуналами *ad hoc*, а не постоянно действующим судом, создаваемым государствами – участниками таких соглашений. При этом решения конкретного трибунала не имеют никакой силы для других трибуналов и не являются предметом какого-либо централизованного апелляционного или иного контроля [Ibidem, 52]. Отсюда практически неизбежный риск появления непоследовательных и даже противоречащих друг другу толкований и арбитражных решений. По мнению Н. Каламиты, эта непоследовательность проявляется в том, что арбитражные трибуналы периодически выносят решения, которые (а) отличаются от толкования и применения сходных (если не идентичных) положений других двусторонних инвестиционных соглашений, (б) отличаются от толкования норм конкретного инвестиционного соглашения, уже данного ранее другими трибуналами в своих решениях, (в) как результат, создают горизонтальную и фрагментарную практику, которая мало помогает инвесторам и государствам в их понимании, что значат те или иные нормы инвестиционного соглашения [Calamita, 2017, 586-587]. В свою очередь, С. Франк полагает, что непоследовательность решений можно свести к трем сценариям. Во-первых, разные арбитражные трибуналы могут прийти к различным выводам в отношении одних и тех же норм одного и того же международного договора. Во-вторых, арбитражные трибуналы, созданные в рамках разных инвестиционных соглашений, могут прийти к различным выводам в отношении споров, основанных на одних и тех же фактах, сторонах спора и затронутых правах инвестора. В-третьих, арбитражные трибуналы, созданные в рамках разных инвестиционных

соглашений, могут прийти к различным выводам при разрешении споров, основанных на сходной коммерческой ситуации [Franck, 2005, 1545-1546].

Несмотря на то, что некоторые ученые рассматривают непоследовательность арбитражных решений как вполне обычное явление, присущее любому правопорядку и даже необходимое для развития права и правоприменения [Ten Cate, 2013], можно поддержать тех исследователей, которые расценивают непоследовательность арбитражных решений как одну из наиболее острых проблем современного международного инвестиционного арбитража [Zarra, 2018, 140]. На наш взгляд, непоследовательность в первую очередь проявляется в том, что арбитражные трибуналы уже длительное время по-разному толкуют ряд ключевых понятий, общих для всех инвестиционных соглашений. Так, взгляды арбитров разошлись в отношении значения понятия «инвестиции» и применения к нему критериев, впервые сформулированных арбитражем в решении по делу *Salini Constuttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. The Kingdom of Morocco*. Другим не менее ярким примером является использование рядом арбитражных трибуналов, начиная с решения по делу *Emilio Agustín Maffezini v. The Kingdom of Spain*, оговорки о режиме наибольшего благоприятствования не только к материальным, но и к процессуальным нормам инвестиционных соглашений. По мнению одних трибуналов, это дает правомерную возможность обойти юрисдикционные ограничения, содержащиеся в одном инвестиционном соглашении, за счет отсутствия таких ограничений в другом соглашении, что, по мнению других трибуналов, является неоправданным игнорированием условий, на которых государства давали свое согласие на рассмотрение споров². Другой точкой непрекращающихся разногласий арбитражных трибуналов является так называемая «зонтичная оговорка» (*umbrella clause*), суть которой состоит в обязанности государства уважать все свои обязательства перед инвесторами. По мнению одних трибуналов, с которым не согласны другие, эта оговорка позволяет передать на рассмотрение арбитража даже спор по инвестиционному контракту, несмотря на то, что этот контракт может предусматривать иной механизм разрешения спора, например в виде обращения только в национальный суд³.

Оценивая сложившееся положение, можно сказать, что в ситуации децентрализованного характера арбитражного рассмотрения спора *ad hoc* это означает, что государства и инвесторы не имеют представления о том, какой именно подход к этим ключевым вопросам будет избран арбитражем в случае возникновения спора, что отрицательно сказывается на правовой определенности и законных ожиданиях. Эта ситуация имеет свои вполне понятные правовые и материальные последствия. Как пишет С. Франк, если государства начнут думать, что стол (т. е. их отношения с инвесторами) может быть просто перевернут арбитражным трибуналом или что оценивать шансы на исход арбитражного разбирательства равносильно гаданию путем подбрасывания монетки в воздух, они могут просто отказаться заключать такие инвестиционные соглашения или будут настаивать на исключении из них арбитражных механизмов. По этим же причинам инвесторы могут потерять веру в арбитражное разбирательство, что может негативно сказаться на их желании инвестировать или увеличить стоимость таких инвестиций [Franck, 2009, 438].

² О различных подходах арбитражных трибуналов к этому вопросу см.: Vesel S. Clearing a path through a tangled jurisprudence: most-favored-nation clauses and dispute settlement provisions in bilateral investment treaties // *Yale journal of international law*. 2007. Vol. 32. No. 1. P. 25-129.

³ О различных подходах арбитражных трибуналов к этому вопросу см.: Footer M.E. Umbrella clauses and widely-formulated arbitration clauses: discerning the limits of ICSID jurisdiction // *The law and practice of international courts and tribunals*. 2017. Vol. 16. P. 87-107.

Судя по всему, проблема последовательности арбитражных решений вполне осознана государствами, которые в рамках ЮНСИТРАЛ активно обсуждают сейчас различные варианты реформы инвестиционного арбитража, имея в виду в том числе решение этой проблемы. Среди наиболее популярных предложений можно указать учреждение постоянно действующего международного инвестиционного суда и создание отдельной апелляционной инстанции (наподобие Апелляционного органа ВТО) при сохранении арбитражного рассмотрения споров в первой инстанции [Calamita, 2017, 592-594].

Заключение

Популярность двусторонних инвестиционных соглашений, ставшая особенно заметной в конце XX в., имела обратную сторону медали в виде роста числа инвестиционных споров. Этому немало способствовало данное арбитражами и поддержанное доктриной представление о предусматриваемом в таких соглашениях согласии государства передать возникающие споры с инвесторами в арбитраж как безотзывной оферте и направлении инвестором извещения об арбитраже как акцепте этой оферты. Это сразу же сделало юрисдикцию создаваемых в рамках таких соглашений арбитражных трибуналов обязательной и не зависящей от иных документов сторон.

Однако именно децентрализованный характер арбитражных трибуналов *ad hoc* при толковании и применении ими норм международных договоров о защите иностранных инвестиций неизбежно привел к появлению непоследовательных, противоречивых и непредсказуемых решений, что со временем переросло в одну из наиболее серьезных проблем современного международного инвестиционного арбитража. Это не только делает невозможной для сторон спора оценку исхода арбитражного разбирательства, но и негативно влияет на легитимность арбитража как способа разрешения инвестиционных споров.

Библиография

1. Исполинов А.С. Сроки исковой давности в международном правосудии: доктрина и практика // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 1. С. 41-67.
2. Рачков И.В. Реформа международно-правового урегулирования споров между иностранными инвесторами и государствами // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 118-136.
3. Asian Agricultural Products Ltd. v. The Republic of Sri Lanka, ICSID case No. ARB/87/3. URL: <https://www.italaw.com/cases/96>
4. Ataman Figanmeşe İ. Manufacturing consent to investment treaty arbitration by means of the notion of “arbitration without privity” // Annales de la Faculté de Droit d’Istanbul. 2011. N. 60. P. 187-201.
5. Bonnitche J., Skovgaard Poulsen L.N., Waibel M. The political economy of the investment treaty regime. Oxford University Press, 2017. 368 p.
6. Calamita N.J. The (in)compatibility of appellate mechanisms with existing instruments of the investment treaty regime // The journal of world investment and trade. 2017. Vol. 18. P. 585-627.
7. Collet P. The current European Union investor state dispute settlement reform: a desirable outcome for investment arbitration? // New York University journal of international law and politics. 2021. Vol. 53. No. 2. P. 689-701.
8. Emilio Agustín Maffezini v. The Kingdom of Spain, ICSID case No. ARB/97/7. URL: <https://www.italaw.com/cases/641>
9. Franck S.D. Development and outcomes of investment treaty arbitration // Harvard international law journal. 2009. Vol. 50. No. 2. P. 435-489.
10. Franck S.D. Legitimacy crisis in investment treaty arbitration: privatizing public international law through inconsistent decisions // Fordham law review. 2005. Vol. 73. P. 1520-1625.
11. Langford M., Behn D. Managing backlash: the evolving investment treaty arbitrator? // European journal of international law. 2018. Vol. 29. No. 2. P. 551-580.
12. Pauwelyn J. At the edge of chaos? Foreign investment law as a complex adaptive system, how it emerged and how it can be reformed // ICSID review. 2014. Vol. 29. P. 372-418.

13. Puig S. Social capital in the arbitration market // *European journal of international law*. 2014. Vol. 25. No. 2. P. 387-424.
14. Roberts A. Clash of paradigms: actors and analogies shaping the investment treaty system // *American journal of international law*. 2013. Vol. 107. No. 1. P. 45-94.
15. Salini Costruttori SpA and Italstrade SpA v Kingdom of Morocco, ICSID case No. ARB/00/4 (decision on jurisdiction). URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0738.pdf>
16. Simmons B.A. Bargaining over BITs, arbitrating awards: the regime for protection and promotion of international investment // *World politics*. 2014. Vol. 66. No. 1. P. 12-46.
17. Sornarajah M. *The international law on foreign investment*. Cambridge University Press, 2010. 524 p.
18. Ten Cate I. The costs of consistency: precedent in investment treaty arbitration // *Columbia journal of transnational law*. 2013. Vol. 51. P. 418-478.
19. Thomas J.C., Dhillon H. The foundations of investment treaty arbitration: the ICSID Convention, investment treaties and the review of arbitration awards // *ICSID review*. 2017. Vol. 32. No. 3. P. 459-502.
20. Vandevelde K.J. A brief history of international investment agreements // *U.C. Davis journal of international law and policy*. 2005. Vol. 12. No. 1. P. 157-194.
21. Zarra G. The issue of incoherence in investment arbitration: is there need for a systemic reform? // *Chinese journal of international law*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 137-185.

Inconsistent arbitral awards as one of the main problems of modern international investment arbitration

Erna V. Airiyan

Chairman of the Court of the Eurasian Economic Union,
220006, 5 Kirova str., Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: eurasiancourt@gmail.com

Abstract

The article aims to demonstrate that inconsistent arbitral awards are one of the main problems of modern international investment arbitration. The popularity of bilateral investment treaties, which became especially noticeable at the end of the 20th century, had the other side of the coin in the form of an increase in the number of investment disputes. This was greatly facilitated by the idea of the consent of the state to submit disputes with investors to arbitration as an irrevocable offer and the sending of a notice of arbitration by an investor as acceptance of this offer. This immediately made the jurisdiction of arbitral tribunals created under such treaties mandatory and independent of other documents of the parties. However, it was the decentralized nature of ad hoc arbitral tribunals that inevitably led to inconsistent, contradictory and unpredictable arbitral awards. Inconsistency and unpredictability have become one of the most serious problems of modern international investment arbitration. The author of the article comes to the conclusion that this not only makes it impossible for parties to a dispute to assess the outcome of arbitration proceedings, undermining legal certainty, but also negatively affects the legitimacy of arbitration as a way to resolve investment disputes.

For citation

Airiyan E.V. (2022) *Neposledovatel'nost' arbitrazhnykh reshenii kak odna iz osnovnykh problem sovremennogo mezhdunarodnogo investitsionnogo arbitrazha* [Inconsistent arbitral awards as one of the main problems of modern international investment arbitration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (8A), pp. 467-475. DOI: 10.34670/AR.2022.84.54.064

Keywords

Arbitral award, inconsistent arbitral awards, international investment arbitration, investment law, international procedural law.

References

1. Asian Agricultural Products Ltd. v. The Republic of Sri Lanka, ICSID case No. ARB/87/3. Available at: <https://www.italaw.com/cases/96> [Accessed 10/08/22].
2. Ataman Figanmeşe İ. (2011) Manufacturing consent to investment treaty arbitration by means of the notion of “arbitration without privity”. *Annales de la Faculté de Droit d’Istanbul*, 60, pp. 187-201.
3. Bonnitcha J., Skovgaard Poulsen L.N., Waibel M. (2017) *The political economy of the investment treaty regime*. Oxford University Press.
4. Calamita N.J. (2017) The (in)compatibility of appellate mechanisms with existing instruments of the investment treaty regime. *The journal of world investment and trade*, 18, pp. 585-627.
5. Collet P. (2021) The current European Union investor state dispute settlement reform: a desirable outcome for investment arbitration? *New York University journal of international law and politics*, 53 (2), pp. 689-701.
6. Emilio Agustín Maffezini v. The Kingdom of Spain, ICSID case No. ARB/97/7. Available at: <https://www.italaw.com/cases/641> [Accessed 10/08/22].
7. Franck S.D. (2009) Development and outcomes of investment treaty arbitration. *Harvard international law journal*, 50 (2), pp. 435-489.
8. Franck S.D. (2005) Legitimacy crisis in investment treaty arbitration: privatizing public international law through inconsistent decisions. *Fordham law review*, 73, pp. 1520-1625.
9. Ispolinov A.S. (2021) Sroki iskovoï davnosti v mezhdunarodnom pravosudii: doktrina i praktika [Limitation periods in international justice: doctrine and practice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11: Law], 1, pp. 41-67.
10. Langford M., Behn D. (2018) Managing backlash: the evolving investment treaty arbitrator? *European journal of international law*, 29 (2), pp. 551-580.
11. Pauwelyn J. (2014) At the edge of chaos? Foreign investment law as a complex adaptive system, how it emerged and how it can be reformed. *ICSID review*, 29, pp. 372-418.
12. Puig S. (2014) Social capital in the arbitration market. *European journal of international law*, 25 (2), pp. 387-424.
13. Rachkov I.V. (2016) Reforma mezhdunarodno-pravovogo uregulirovaniya sporov mezhdunarodnymi investitorami i gosudarstvami [The reform of the international legal settlement of disputes between foreign investors and states]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice], 3, pp. 118-136.
14. Roberts A. (2013) Clash of paradigms: actors and analogies shaping the investment treaty system. *American journal of international law*, 107 (1), pp. 45-94.
15. Salini Costruttori SpA and Italstrade SpA v Kingdom of Morocco, ICSID case No. ARB/00/4 (decision on jurisdiction). Available at: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0738.pdf> [Accessed 10/08/22].
16. Simmons B.A. (2014) Bargaining over BITs, arbitrating awards: the regime for protection and promotion of international investment. *World politics*, 66 (1), pp. 12-46.
17. Sornarajah M. (2010) *The international law on foreign investment*. Cambridge University Press.
18. Ten Cate I. (2013) The costs of consistency: precedent in investment treaty arbitration. *Columbia journal of transnational law*, 51, pp. 418-478.
19. Thomas J.C., Dhillon H. (2017) The foundations of investment treaty arbitration: the ICSID Convention, investment treaties and the review of arbitration awards. *ICSID review*, 32 (3), pp. 459-502.
20. Vandevelde K.J. (2005) A brief history of international investment agreements. *U.C. Davis journal of international law and policy*, 12 (1), pp. 157-194.
21. Zarra G. (2018) The issue of incoherence in investment arbitration: is there need for a systemic reform? *Chinese journal of international law*, 17 (1), pp. 137-185.